

Шел я как-то раз по берегу такой реки, что и название вымолвить страшно, не то, что берегом ходить

Река называлась Янгито, и впадала она в реку Виви, которая, выпадая из одноименного озера, в свою очередь, впадала в Нижнюю Тунгуску, которой уже и впадать-то было некуда, кроме как в Енисей.

Шли мы маршрутом с геофизиком Женей Филипповым. Каждый занимался своим делом. Женя каждые 250 метров устанавливал небольшую треногу, ставил на нее приборчик и нажимал на нем кнопку. Приборчик нервно взвизгивал, на экране тускло высвечивалась какая-то бессмысленная цифра, и Женя, с умным видом отмахиваясь от миллиона комаров, записывал эту цифру в свою пикетажку.

Я шел чуть дальше от уреза воды параллельно Жене и, отмахиваясь с умным видом от второго миллиона кровососов, брал образцы, записывал и даже в меру таланта зарисовывал коренные породы, стометровой стеной нависавшие над головами вдоль реки сколько хватало глаз: речка шириной полсотни метров прорыла себе каньон в сибирских трапах не хуже знаменитой Колорадо.

Ничего необычного не предвиделось. Породы были однообразные: древняя лава толщиной несколько километров. Туфы, лапилли и прочая бесполезная для строительства коммунизма порода. Цифры в жениной пикетажке и мои образцы и зарисовки различались друг от дружки так же сильно, как пятая серия мексиканского сериала от пятьдесят пятой. И главное — тут не было людей.

Людей в Красноярском крае, на минуточку, проживает меньше, чем в Ленинграде. Очень маленькая часть из этих чудаков обитает в бассейне Нижней Тунгуски. Но далеко не каждый житель даже Туруханска или Туры не то что был — слышал про речку Янгито.

Через восемь километров нас должна была подобрать лодка и отвезти в лагерь. Почти половина пути была пройдена, приближалось время обеда. Расстояние мы мерили шагами, и внутренний счетчик около мозжечка через месяц после начала полевых работ считал шаги уже без нашего участия. Мы могли разговаривать на вольные темы, спотыкаться на мокрых камнях, стрелять куропаток, остановиться на обед на счете «сто двенадцать», и после обеда, убрав в рюкзак котелок и намотав подсохшие портянки, шагнуть с левой — и в голове раздавалось: сто тринадцать.

Таким образом, зная длину своего шага, любой геолог вам скажет с точностью до десяти метров расстояние от своего дома до работы или, скажем, до ближайшей булочной: после сезона счетчик выключается далеко не сразу и некоторым сверлит мозг аж до 31 декабря.

На обед у нас был традиционно большой выбор блюд: две банки каши перловой с говядиной, чай, кусковой сахар и армейские сухари. С собой мы всегда носили моток лески и пару крючков, потому как рыбы в этих водах обитало ну прямо-таки неприличное количество. Черный хариус прыгал на голый крючок, ленок уже привередничал и шел только на красную мушку или блесну-байкалку. Таймень, этакий лев местного рыбного хозяйства, стоял под порошками и предпочитал бросаться на мыша исключительно лунными вечерами, а щуку и окуня тут за рыбу вообще не держали.

Бытовала тунгусская поговорка: рыбы нет! Ссюка есть! Наловив в маршруте полдюжины небольших харьюзков, можно было сделать вполне ничего такой себе шашлычок, напаялив нечищеную непотрошеную несоленую рыбешку на палочку через рот. Не кулинарный шедевр, конечно, но и не консерва.

Наш левый берег полого уходил под воду, поэтому рыба, как ей и положено, гужевала у глубокого противоположного от рыбака борта. Там кто-то постоянно булькал, пускал круги и бил многочисленными хвостами. Женя вырубил было палочку под удище, но, оценив гляннув на кашу, воду и свою обувь, раздумал бродить через половину реки в протертых болотниках, и стал разводить костер.

Я взял котелок и пошел к реке за водой. Никакие блага цивилизации не стоят котелка чистой холодной воды, набранной прямо из речки. Даже грузинский чай № 36 на этой воде казался не таким уж грузинским. (Уточняю: маршрут сей проходил в те счастливые времена, когда ветераны Курской дуги еще бодро ходили на парад Победы, а надпись на заборе «Петя-пидарас!» встречалась крайне редко и означала лишь негативное отношение автора к Пете, а не констатацию факта. За два месяца сплава по Виви мы не встретили ни одного человека.)

И вот я захожу в эти первозданные воды немного не по колено. Вода прозрачна, как воздух. Виден каждый камушек на дне. Сапог слегка взмучивает воду, в муть тут же сует морды стайка ссыкливых мальков. Я наклоняюсь зачерпнуть литр этого национального достояния, и взгляд мой натывается на вещи, которые ну никак не вписываются в донный пейзаж.

Вместо того чтобы зачерпнуть воду, я закатываю рукав штормовки и начинаю доставать со дна и складывать в котелок: нож с наборной рукоятью обоюдоострый самодельный, нож складной за один рубль десять копеек (ценник выдавлен на черной пластмассовой ручке), три банки говядины тушеной абаканской, три банки свинины пряной, банку горошка зеленого мозговых сортов, две пачки по пятнадцать патронов к карабину калибра семь шестьдесят два, пачку патронов тозовочных латунных, ключ рожковый десять на двенадцать. Последнее, что было поднято из глубины, — стеклянная банка ноль семь литра персикового компота производства Болгарии. Стекло под водой видно плохо, потому я и разглядел эту банку в последнюю очередь.

В полном изумлении я внимательно осмотрел дно, походил по отмели туда-сюда, огляделся вправо, влево и, чего уж греха таить, глянул вверх, но ничего больше не нашел и никого не увидел. На берегу тоже не было никаких следов пребывания человека. Единственный, кроме меня, бородатый сапиенс уже развел костер и, накидав в него сырого ягеля, стоял по пояс в дыму, борясь с эскадрильями мошкеры под руководством огромного слепня. Женя поворачивался к густому ароматному дыму то передом, то, наоборот, приседал в него с головой, выныривал, довольно жмурился и даже снял накомарник, мешавший полноценному окуливанию его бороды.

Я открыл банку компота, понюхал, прочитал дату годности. Все в норме: изготовлено недавно, годно к употреблению до следующей зимы, только из холодильника. Хранилось неизвестно сколько, но в прекрасных условиях: при температуре не выше плюс пять и даже без доступа кислорода. Ржавчины — ни следа, значит, плавают предметы не так давно. Налил компот в кружку, отхлебнул. Праздник вкуса! Подал кружку напарнику. Тот, не открывая в дыму глаз, хлебнул, вдруг весь выпучился, и как ошпаренный вылетел из дыма и начал плевать так, словно ему кипятком в рот плеснули.

— Что это? — трагически воскликнул он, наконец, с ужасом доставая из своей огромной эмалированной кружки половинку персика. — Откуда это?

— Это нам премия за хорошую работу, — и я показал ему свои находки.

Думаю, найди мы на необитаемом острове сундук с сокровищами — это была бы несравнимо менее удивительная находка, чем на бескрайнем русском Севере наткнуться на такой схрон. Для нас навсегда осталось тайной, кто и когда обронил на берегу дикой Янгито такие необычные в миру, но в миллион раз необычнее в той глухомани предметы.

Консервы мы в итоге всем отрядом благополучно съели, патроны за сезон расстреляли по куропаткам, а нож с наборной рукояткой — классика зэковского жанра — ездил потом со мной в тайгу много лет, пока его не изъяла милиция в аэропорту Абакана при посадке в самолет.

Геннадий КАРПОВ,

геолог, член Союза писателей России